

Новые тексты

VR Мы публикуем подготовленную для нашего журнала статью М.А. Шабановой о социоэкономике и экономической социологии, где автор пытается наметить точки их размежевания и интеграции. По существу перед нами (первый из известных нам) обстоятельный обзор данного направления для русскоязычной аудитории.

СОЦИОЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ТОЧКИ РАЗМЕЖЕВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ*

Шабанова Марина Андриановна

д.э.н., профессор кафедры социально-экономических систем и
социальной политики ГУ–ВШЭ

Email: mshabanova@hse.ru

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось на Западе стремительным развитием *социоэкономики*. В 1989 г. в Гарвардской школе бизнеса было учреждено Международное общество развития социоэкономики (SASE)¹, основателем которого стал Амитай Этциони. Общество объединило под своим крылом ученых, работающих на стыке экономики и других общественных наук: социологии, психологии, политической науки, права, философии, истории и др. Число участников SASE постоянно растет, а география – расширяется: в настоящее время представители этого общества работают в 50 странах мира, ежегодно собираются на конференции; издается два журнала социоэкономики². Столь стремительное развитие социоэкономики за рубежом означает, что, во-первых, в ней есть острая *потребность* (научная, практическая или и та, и другая), а во-вторых, для ее развития сложились определенные *предпосылки*. Вместе с тем иногда говорят, что социоэкономика – удел развитых в рыночном отношении стран, а применительно к России для нее нет места ни в науке, ни в образовании. Так что же это за потребность и что это за предпосылки? Есть ли они в сегодняшней России и в других посткоммунистических обществах?

Не менее важен вопрос и о том, насколько полно социоэкономика в версии SASE отвечает на социальный и научный запросы. Ведь за полтора десятка лет ее содержательное ядро обрело достаточно четкие контуры, чтобы можно было оценить его со стороны. Исчерпывается ли интерпретационный потенциал социоэкономики ее современным наполнением? Если нет, то чего, собственно, не хватает? Может ли социоэкономика в случае восполнения этого недостатка претендовать на статус новой *науки* или «предел ее мечтаний» – оставаться *парадигмой* анализа экономических процессов, исходящей из важности учета воздействия на них самых разных неэкономических переменных?

Если принять во внимание современное состояние социоэкономического знания, то поиск ответов на все эти вопросы неизбежно приводит к необходимости осмысления соотношения социоэкономики не только и даже не столько с экономическими науками (чем чаще всего

* Работа выполнена при поддержке Научного фонда Государственного университета – Высшей школы экономики (индивидуальный исследовательский грант «Рынок и “нерыночное” общество: проблема встраивания», 2005 г.).

¹ International Society for the Advancement of Socio-Economics (SASE). Подробнее см.: <http://www.sase.org/aboutsase/aboutsase.html>

² «Журнал социоэкономики» (Journal of Socio-Economics) и «Социоэкономическое обозрение» (Socio-Economic Review).

ограничиваются теоретики SASE), сколько с давно занявшей прочные позиции в системе научного знания экономической социологией.

I. Социоэкономика в версии SASE и экономическая социология

Социоэкономика в версии SASE чаще всего позиционируется как *парадигма* и, судя по ее основам, обозначенным в хорошо известной «платформе-минимум» SASE [Этциони 2002 (1991)] и получившим некоторое уточнение в недавней статье основоположника этого общества А. Этциони [Etzioni 2003], соотносится с экономической социологией как *целое с его частью*. Что это за часть, хорошо видно из основных позиций, на которых базируется SASE, равно как из *реального* состояния современного социоэкономического знания. К числу наиболее важных, с моей точки зрения, можно отнести три черты социоэкономики в версии SASE.

1. Междисциплинарность как основа методологических позиций. Прежде всего необходимо иметь в виду тот смысл, который вкладывается в термин (приставку) «социо-» в слове «социоэкономика». Он олицетворяет не «социологию», как может показаться, если исходить из привычных аналогий (например, «биофизика», «биохимия» и др.), и следовательно, не означает изучения аппаратом и методами социологии экономических процессов и отношений. За термином «социо-» в данном случае стоит целый комплекс общественных дисциплин, изучающих взаимоотношение между экономикой и обществом [Etzioni 2003: 109]. Наряду с социологией, среди них: психология, антропология, история, политическая наука, право и др.

Причем, по мнению А. Этциони, причинно-следственные связи между экономическими и неэкономическими переменными в социоэкономическом предметном поле таковы: зависимая переменная – всегда экономическая, а *независимые* переменные включают по меньшей мере *одну неэкономическую и одну экономическую переменную*. «Так, если в нашем исследовании, – отмечает А. Этциони, – уровень производительности труда является зависимой переменной, то среди независимых переменных могут быть удельная доля капитала на одного рабочего, уровень оплаты труда и другие экономические переменные. Однако необходимо также включить и хотя бы одну переменную из другой социальной науки (например, степень приверженности трудовой этике). Без такого рода переменной наши построения не выйдут за рамки экономической теории. Аналогично, если все независимые переменные – неэкономические (например, учитывается приверженность трудовой этике, уровень самооценки, размер социальных групп в процессе труда), то мы имеем дело с социологическими, психологическими или социально-психологическими построениями, но не с социоэкономикой» [Этциони 2002]. Отсюда, в частности, можно заключить, что *обратное* воздействие экономики на социальные процессы оказывается без видимых на то оснований (но об этом чуть позже) вне поля зрения социоэкономики в версии SASE.

В последнее время допускается ослабление и этого требования. В качестве зависимых переменных остаются переменные экономические, а круг независимых переменных может ограничиваться сугубо социальными. Являются ли иностранные рабочие менее производительными? Воздействует ли лоббирование на уровень цен и если да, то в какой степени? Каковы социальные и политические условия ускорения экономического роста? – вот типичные вопросы, интересующие социоэкономистов [Etzioni 2003: 109].

2. Основных содержательных предпосылок две. Одна касается макроуровня анализа проблемы, другая – микроуровня.

А. На макроуровне социоэкономика исходит из того, что экономика не является замкнутой на себя системой, она погружена в общество, его культуру, систему властных отношений и др. Это,

конечно, не означает, что социэкономисты начисто лишают хозяйственную систему автономности и собственной логики развития. Но они находят, что думать об экономике как о самоподдерживающейся, свободно формирующейся системе также непродуктивно. Многие из того, что происходит в хозяйственной системе, может быть лучше объяснено «внешними» по отношению к ней феноменами (например, исследованная М. Вебером роль протестантской этики в развитии капитализма) [Etzioni 2003: 110; *What is Socio-Economics?..*]. Конкуренция одновременно и стимулируется, и ограничивается социальным контекстом (ценностями, властными отношениями, социальными сетями и др.); она укоренена в нем. Индивидуальные (эгоистические) интересы автоматически не ведут к гармонии; для того чтобы рынок функционировал эффективно, нужны социетальные источники порядка [*What is Socio-Economics?..*]

Б. На микроуровне предполагается, что *индивидуальный* выбор формируется не только под воздействием рационального личного интереса, но и под воздействием эмоций, моральных ограничений, социальных обязательств и ожиданий, веры, знания и др. Иными словами, отсутствует априорная посылка о том, что люди исключительно или в значительной степени заняты преследованием эгоистических интересов или поиском удовольствий [Satin 2000; Этциони 2002]. Так, соблюдать (или не соблюдать) налоговое законодательство западных предпринимателей побуждает не только боязнь правовых санкций, но и угроза социального неодобрения, моральные обязательства. Напротив, у многих российских предпринимателей, как мы знаем, неуплата налогов превратилась в своеобразный кодекс чести («государство сильнее, а бизнес – хитрее»), неуплата налогов осуждается слабо или не осуждается совсем. Уровень текучести рабочей силы определяется не только экономическими факторами (перспективами роста заработной платы и др.), но и личной приверженностью фирме [Этциони 2002]. Многие компании ставят на первое место безопасность потребителей даже тогда, когда несут большие экономические потери, в то время как многие другие компании так не делают [Де Джордж 2001: 18–19].

Социэкономика исходит из того, что экономическим акторам присущи как эгоистические стремления (к достижению удовольствий, реализации своего личного интереса), так и стремления, движимые культурными нормами, включая моральные обязательства. Эти стремления (цели) могут находиться в конфликте друг с другом, что приводит к самым разнообразным поведенческим последствиям: бездействию акторов; стрессам и нарушению их способностей принимать рациональные решения; появлению чувства вины и развитию разного рода защитных механизмов и др. Важно то, что на поведение людей влияют как эгоистические стремления, так и культурные предписания. Причем чем больше индивиды склонны заботиться о своих эгоистических интересах (удовольствиях), т.е. чем менее они «культурно и морально обременены», тем с меньшей вероятностью в изменившихся обстоятельствах они придерживаются прежних, ставших менее выгодными моделей поведения. И напротив, чем в большей степени люди находятся под «бременем» моральных обязательств, тем в большей степени они сохраняют прежние модели поведения в изменившихся (ставших менее выгодными для достижения эгоистических целей) обстоятельствах. Ценностные ориентации экономических акторов, разделяемые ими культурные и моральные нормы ограничивают спектр выбора как целей, так и средств их достижения [Etzioni 2003: 115].

Кроме того, социэкономика принимает во внимание и тот факт, что многие выборы в экономической сфере базируются на *эмоциях*. Эмоции могут прерывать разумные размышления или даже вообще отключать рассудок; они могут существенно ограничивать принимаемый во внимание спектр выбора и др. Конечно, выбор, который делается на основе эмоций, не обязательно неэффективен [Etzioni 2003: 115–116]. Тем не менее будем иметь в виду, что активно развивающееся в современной психологии направление – психология влияния – содержит огромное множество доказательств неэффективных выборов в экономической сфере, совершенных на основе эмоций. Хорошей иллюстрацией может служить поведение людей в условиях дефицита. Оно прекрасно известно не только советским гражданам, но и, как показывают исследования психологов, широко распространено в повседневных практиках экономических акторов повсюду, включая самые развитые страны.

«Когда мы видим, что нечто из того, что нам нужно, становится менее доступным, мы начинаем ощущать физическое возбуждение. Нас переполняют эмоции, кровь закипает, сознание затемняется, особенно тогда, когда мы имеем дело с конкурентами. Когда нас захлестывает поток чувств, рациональное начало отступает на второй план. Когда мы возбуждены, нам трудно сохранять спокойствие и анализировать ситуацию... познавательные процессы оказываются подавленными эмоциональной реакцией на дефицит» [Чалдини 1999: 239]. В результате люди часто становятся мишенью разного рода дельцов, обладателями ненужных товаров, «подписок на журналы или билетов на бал санитарных работников» и др.

Наконец, приверженцы социоэкономической парадигмы совершенно справедливо подчеркивают *лимитирующую роль знаний* в большой части индивидуальных решений, ограниченность интеллектуальных способностей людей и, как следствие – их несовершенство в качестве лиц, принимающих решения на рынке [Etzioni 2003: 115–116]. Лимитирующая роль знаний имеет место, разумеется, в любых условиях, но особо велика ее значимость в периоды кардинальных общественных преобразований. Не случайно опытные реформаторы придают большое значение просветительским вопросам при проведении экономических реформ. Так, по признанию Людвиг Эрхарда, при реализации своей программы перехода от принудительно направляемого хозяйства к рыночному в послевоенной Германии он «посвящал многие месяцы тому, чтобы добиться правильного понимания населением экономического положения и целей экономической политики»; постоянно разъяснял населению на конкретных жизненных примерах внутренние законы рыночного хозяйства, будь то антикартельная политика или взаимосвязи между ростом цен и заработной платы или что-то еще («Я буквально изъездил всю страну, чтобы разъяснить эти элементарные истины даже самым простодушным людям») [Эрхард 1991: 254]. И, разумеется, он постоянно следил за реакцией населения на различные явления хозяйственной жизни, учитывая эту реакцию в своей политико-экономической деятельности.

Иная стратегия реализации реформ, как известно, была выбрана в России. Реформаторы исходили из того, что главное – осуществить преобразования в экономической сфере, а уж люди как-нибудь к ним приспособятся. В результате большие группы людей, которые социализировались в иных условиях (когда востребовались другие личные качества, усваивались иные способы решения проблем) и которые никогда не бывали за рубежом, зная об обществе с «рынком и демократией» лишь понаслышке или не зная о нем вообще ничего, столкнулись с множеством ранее неведомых вопросов и необходимостью принимать «сильные» решения в незнакомом жизненном пространстве: что делать с ваучерами, акциями, паями; в какой валюте и в каких банках хранить сбережения; менять ли профессию или переждать трудные времена; как выбирать деловых партнеров, кому можно доверять, а кому нельзя; и т.д. Одни прислушивались к тому, что скажет руководитель (как он посоветует распорядиться акциями, паями – так и поступали), другие доверяли частным банкам, фондам, а потом, лишившись своих сбережений, искали защиты у государства; третьи – поменяв профессию и сферу занятости, также осваивали новое пространство методом проб и ошибок.

Итак, констатируем: в содержательном смысле социоэкономическую парадигму отличает представление о том, что экономическое поведение охватывает *всего* человека (микроуровень), а хозяйственная система не является автономной от общества (макроуровень). Эти предпосылки представляются вполне обоснованными и, как мы пытались показать, находят множество эмпирических подтверждений в самых разных науках (социологии, психологии, экономической теории и др.). По существу, они и определяют интерпретационный потенциал социоэкономики как парадигмы в версии SASE.

3. «Социоэкономика является одновременно позитивной и нормативной наукой.

Иными словами, она не выдает себя за сугубо позитивную науку, а открыто говорит о своей причастности к политике и стремится осознать нормативные последствия своей работы» [Этциони 2002]. Действительно, благодаря своему подходу социоэкономика позволяет не только более глубоко осмыслить экономические проблемы, но и предложить возможные

пути их решения, которые часто предопределяются более широким социальным контекстом. Ярким тому подтверждением является хорошо известная из теории проблема так называемых *провалов рынка* [market failures], т.е. тех самых случаев, когда рынок не в состоянии выявить (учесть) общественные предпочтения, и в ряде важных сфер жизнедеятельности общества оказываются востребованными и абсолютно необходимыми *нерыночные* способы формирования групповых (в том числе общественных) интересов³. Без знания последних нельзя разработать адекватную экономическую политику, выбрать стратегию экономического развития страны. Конкретный пример – социальная экспертиза последствий введения платных услуг в ранее «бесплатных» сферах (здравоохранении, образовании), выявление возникающих здесь напряжений, поиск компромиссов. Во всех этих случаях необходимо учитывать не только экономические, но и социальные, этические аспекты: представления о социально справедливом доступе к получению образования, медицинских услуг, внешние эффекты и др. Так, вакцинация предотвращает инфекционные заболевания, а стационарное лечение больных туберкулезом или психиатрическими заболеваниями приносит пользу не только их потребителям, но и другим членам общества. Эти и другие особенности экономических отношений в социальной сфере нельзя не принимать во внимание при рассмотрении вопросов о введении *индивидуальной* оплаты соответствующих услуг⁴.

* * *

Таковы, на мой взгляд, три основных позиции, которые характеризуют суть социоэкономической парадигмы, развиваемой SASE⁵.

Нетрудно очертить отличие социоэкономики в версии SASE от *неоклассической* экономической теории, однако при этом исчезает (о чем, как правило, умалчивается) ее отличие от *экономической социологии* и *экономической психологии*. В самом деле, социоэкономистов от неоклассиков отличает иное представление:

(1) об акторе (отказ от «методологического индивидуализма» в пользу концепции «актора-во-взаимодействии»);

(2) о рациональности экономического действия, его факторах и ограничениях (рациональность – не данность, а переменная; экономическое действие есть действие *социальное*; существует несколько типов экономических действий в зависимости от присутствия в их мотивации рационального [Вебер 1990: 625–630]; на экономическое поведение влияют не только предпочтения и экономические ресурсы акторов, но и социоструктурные и культурные факторы, весь комплекс ролей, которые играет индивид);

(3) о соотношении хозяйства и общества (при анализе хозяйства общество не есть некая данность; хозяйство – составная часть общества, находящаяся с ним в тесном взаимодействии) и др.

Однако все эти отличительные черты присущи и экономической социологии [см., например: Смелсер, Сведберг 2003]. Расширение круга рассматриваемых аспектов за счет психологических или иных переменных (эмоций, особенностей восприятия и др.) придает социоэкономике статус не *самостоятельной* науки, а своеобразной «междисциплинарной

³ Блестящий анализ провалов рынка см.: [Некипелов 2003].

⁴ Пожалуй, самая большая и наиболее информативная работа об особенностях экономических отношений в здравоохранении, образовании и других отраслях социальной сферы выполнена С.В. Шишкиным. См., например: [Шишкин 2003: 40–49, 103–112].

⁵ Более детальное изложение ключевых принципов социоэкономической парадигмы см.: [Etzioni 2003: 115–117].

крыши» для ряда социальных наук (прежде всего – экономической социологии и экономической психологии), которые изучают экономические процессы *своими* методами.

Аналогичные выводы можно сделать, сравнивая социоэкономический анализ с *неоинституциональным*. У обоих подходов есть общие содержательные предпосылки, и не случайно в последние годы неоинституционалисты также пытаются привлечь в свои ряды представителей других общественных наук и стимулировать междисциплинарные исследования экономических процессов и поведения⁶. То новое, что может привнести социоэкономика в анализ институтов, на мой взгляд, также связано с потенциалом собственно *социологического* подхода. Прежде всего я имею в виду иное понимание институтов (различение норм и институтов, которое не всегда делают экономисты; разграничение между институтами и экономическими *практиками*; «укрупненный» взгляд на институты, которые всегда удовлетворяют какую-нибудь важную потребность *общества*, т.е. не сводятся к специфическим потребностям индивида, вроде «мытья рук перед едой», и др.), а также принципиально иной набор средств институционального анализа, который связан с широким использованием теорий ролей и статусов.

Так как же соотносится социоэкономика в версии SASE с экономической социологией? Как можно заключить из декларируемых SASE принципов, в настоящее время социоэкономика (в отличие от экономической социологии) представляет собой не самостоятельную науку со своим предметом и методом, как порой утверждается, а широкую область *междисциплинарных* исследований закономерностей экономической жизни с помощью аппаратов (категорий, методов) соответствующих общественных наук. Другое ее отличие от экономической социологии – в акцентировании особо важной роли коллективности («мы») и моральности в поведении индивидов, в более пристальном внимании к обобщенной деловой этике и морали. Именно эти различия в методах и содержательных акцентах позволяют рассматривать социоэкономику и экономическую социологию в отношении *целое – часть целого*.

Более того, пожалуй, не будет преувеличением акцентировать особую значимость этой «части целого», а именно: в современном социоэкономическом знании экономическая социология играет *ключевую* роль. В самом деле, именно из экономической социологии теоретики социоэкономики почерпнули основные содержательные предпосылки своей парадигмы (как макро-, так и микроуровня); и именно к ней они чаще всего обращаются в поисках эмпирических обоснований своих ключевых принципов. Более слабая роль остальных наук в формировании социоэкономического знания пока не дает заметным образом проявиться преимуществам междисциплинарности; не случайно уже высказывается мнение о том, что социоэкономика в версии SASE в том виде, в каком она развивается сегодня, мало отличается от экономической социологии (и практически не отличается от экономической социологии вкупе с экономической психологией).

Так или иначе, социоэкономика в версии SASE, несомненно, представляет собой перспективную и востребованную практикой *парадигму*, продуктивный способ осмысления экономических аспектов жизнедеятельности. Но исчерпывает ли она своими ключевыми принципами потенциал экономической социологии, да и экономической теории, с которой призывает интегрироваться другие общественные науки? Чего, собственно, не хватает, в том числе для осмысления проблем, с которыми сталкиваются трансформирующиеся экономики и общества?

⁶ Так, с 1997 г. действует Международное общество новой институциональной экономики (International Society for New Institutional Economics – ISNIE); подробнее см.: <http://www.isnie.org/>. Кроме того, экономисты создали Общество развития поведенческой экономики (Society for the Advancement of Behavioral Economics – SABE); подробнее см.: <http://www.usask.ca/economics/SABE/>.

II. Ограничения социоэкономической парадигмы в версии SASE: несколько критических соображений

Поскольку эта парадигма находится в стадии становления и активно обсуждается научным сообществом [см., например: Piore 2003; Wrong 2003; Streeck 2003; Hollingsworth 2003; Abell 2003; Swedberg 1997], обозначу те ее характеристики, которые, на мой взгляд, сужают объяснительные и предсказательные возможности социоэкономической парадигмы, но пока не стали предметом дискуссий.

1. Необоснованно не принимается во внимание *обратное* воздействие экономических переменных на неэкономические, что сильно отрывает такой подход от познания *реальных* взаимосвязей и закономерностей функционирования и развития экономики и общества на разных уровнях социальной реальности – макро-, мезо- и микро.

2. Спектр *независимых* переменных постепенно сужается за счет исключения (хотя, скорее, и вынужденного) экономических переменных. В настоящее время вполне допускается ситуация, когда зависимая переменная – экономическая, а *все* независимые переменные – неэкономические [Etzioni 2003: 109]. Споры нет, акцентирование того, что среди независимых переменных должна быть хотя бы одна неэкономическая и хотя бы одна экономическая переменная, не выглядело убедительным. И, в принципе, отступление от этого требования вполне оправдано, коль скоро основой методологических позиций объявляется междисциплинарность. Однако столь же неубедительно и сужение круга независимых переменных до неэкономических.

Весьма вероятно, что за этими изменениями скрывается одна серьезная проблема, которая в будущем может весьма неблагоприятным образом сказаться на объяснительном и предсказательном потенциале социоэкономической парадигмы. Это – более слабая готовность экономистов к сотрудничеству с представителями других общественных наук из-за недостаточного осознания первыми необходимости и плодотворности такой интеграции для осмысления многих важных закономерностей и феноменов хозяйственной жизни. Вслед за Й. Шумпетером многие экономисты, по-видимому, до сих пор опасаются того, что такое сотрудничество не принесет «чистой» выгоды, ибо повлечет за собой утрату преимуществ узкой специализации, и солидаризируются с мнением о том, что такое «перекрестное опыление» легко может привести к «перекрестной стерилизации» [Шумпетер 2001: 32]. Между тем одновременная работа с экономическими и неэкономическими переменными как *независимыми* под силу в первую очередь экономистам. И именно они могли бы существенно продвинуть социоэкономическую парадигму за счет формализации исследуемых зависимостей, поиска приемов измерения неэкономических переменных и их инкорпорирования в экономический анализ. Ведь тот факт, что SASE декларирует свою платформу, обращаясь к термину «*переменные*», свидетельствует о первоначальной установке на *измерение*. Хотя, насколько можно судить по публикациям SASE, эта установка реализуется нечасто⁷.

3. Социоэкономическая парадигма в ее современной версии совершенно справедливо важное место отводит моральным обязательствам, социальным ожиданиям и властным отношениям, которые влияют на поведение экономических акторов. При этом много говорится о роли моральности, немало – о силе социальных связей между индивидами, влиянии на их поведение групповых норм; реже, но все же говорится о более мощном воздействии на экономическое поведение государства и крупных корпораций, по сравнению с другими участниками рынка [Etzioni 2003: 110–117]. Между тем представляется необходимым акцентировать и то (о чем экономическая социология, кстати, никогда не забывает), что разные (в том числе и массовые, рядовые) экономические акторы различаются не только

⁷ Вероятно, в значительной степени в силу этих двух причин нарушился первоначально провозглашавшийся баланс между *индуктивными* и *дедуктивными* методологическими установками в пользу первых.

ценностными ориентациями, разделяемыми культурными и моральными нормами, но и *масштабами и структурой имеющихся у них и доступных им ресурсов*. Поскольку в хозяйственной сфере действует человек во всех его ипостасях, то, наряду с экономическими и культурно-профессиональными ресурсами, которыми он располагает, на его экономическое поведение оказывает воздействие наличие/отсутствие у него и многих других ресурсов: политических, административных, силовых, социальных (в том числе статусных) и др.⁸ Причем уровень социального статуса индивидов в значительной степени определяет масштабы как конструктивного, так и деструктивного их вклада в функционирование хозяйственной системы. Достаточно сравнить, например, мелкое воровство представителей социального дна (как способ физического выживания бездомных, беспризорников) и противоречащие целям экономических реформ гигантские финансовые аферы крупных чиновников (как способ обогащения верхних слоев за счет остального общества) [Заславская 2004: 273]. Значительно различается ресурсный потенциал жителей малых сел и столиц, представителей трудоизбыточных и трудонедостаточных регионов, мужчин и женщин, молодых и пожилых, высоко- и малообразованных и пр.

Итак, констатируем. Продуктивность интеграции экономики с другими общественными науками в осмыслении ряда важнейших проблем и процессов экономического и общественного развития не вызывает сомнения. Однако потенциал такой интеграции, как мы пытались показать, социэкономика в версии SASE далеко не исчерпывает. Одно из важнейших направлений расширения интерпретационных возможностей социэкономической парадигмы видится в формировании на ее основе (и наряду с ней) социэкономике как *самостоятельной науки*. Но если речь идет о новой науке, то каковы ее предмет и метод? Каково ее особое место в системе научного знания – и прежде всего: каково ее соотношение с экономической социологией? Наконец, есть ли в этой науке практическая потребность?

III. Социэкономика как наука и экономическая социология

Социэкономика сможет занять статус самостоятельной науки тогда и только тогда, когда обоснует отличие своего предмета и метода от других наук, имеющих тот же объект, и в первую очередь – от *экономической социологии*.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу неточностей в наименованиях тех или иных наук (например, социэкономикой, если держаться собственно за термин, следовало бы называть науку, которая изучает экономические явления и процессы с помощью социологического подхода и ныне именуется экономической социологией; в то время как последняя, напротив, должна была бы олицетворять науку, изучающую общество, социальные явления и процессы методами экономической науки), будем исходить из сложившейся (и отличной от естественных наук) терминологической традиции.

В условиях постоянного усложнения общественной и хозяйственной жизни, ускорения темпов изменений, увеличения потерь от неучтенных взаимосвязей между социальными и экономическими аспектами функционирования и развития хозяйственных единиц и социума (на всех уровнях социальной реальности: макро-, мезо- и микро-) растет потребность в специальной науке, которая, используя аппарат *экономической* теории, оценивала бы *с точки зрения соотношения затрат и результатов* взаимосвязь между экономикой и обществом на самых разных уровнях. Попробуем дать определение нашей версии социэкономике как отличной от экономической социологии науки⁹.

⁸ О классификации ресурсов социальных акторов см.: [Заславская 2004: 389–390].

⁹ Автор выражает признательность акад. РАН Т.И. Заславской за ценные соображения, которые были высказаны в ходе неоднократных обсуждений и дискуссий по этому вопросу.

Социоэкономика изучает на разных уровнях социальной реальности (макро-, мезо-, микро-) 1) *экономические* аспекты воспроизводства *социума* и 2) *социальные* аспекты воспроизводства *экономики* 3) в их взаимосвязи и взаимообусловленности 4) на основе оценки соотношения затрат и результатов (последствий) деятельности акторов разных уровней. Иными словами, в центре внимания *социоэкономики* – не односторонняя, а взаимная связь между экономикой и обществом, экономическими и социальными аспектами воспроизводства (функционирования и развития) хозяйственных единиц и акторов разных уровней. При этом широта и глубина *социологического* подхода к изучению этой взаимосвязи (вклад экономической социологии) дополняется более точными оценками и более высокими предсказательными возможностями *экономического* подхода – стремлением соизмерять производимые затраты с достигаемыми результатами (в том числе и в более или менее отдаленной перспективе), оптимизировать соотношение выгод и издержек на основе сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов. Рассмотрим основные аспекты данной версии *социоэкономики* более подробно.

1. *Экономические аспекты воспроизводства социума*. Экономика (хозяйственная система), развитая до определенного уровня, «поставляет» ресурсы для существования и развития социума и его членов. Разумеется, современные хозяйственные системы существенно различаются по этому основанию. Социальным достижением слабо развитых экономик может стать массовое снижение голода, смертности от простейших заболеваний, в то время как высокоразвитые хозяйственные системы позволяют обществу и его членам ставить и решать принципиально иные задачи: рост образовательного потенциала, продолжительности и качества жизни массовых групп населения, улучшение жилищных условий, насыщение рынка передовыми товарами длительного пользования, и др. Кроме того, даже скудные ресурсы можно распределить по-разному, с разными ограничениями и возможностями для воспроизводства социума и его отдельных групп. Например, макроакторы могут реализовывать курс на сокращение государственных расходов на науку, здравоохранение, образование на фоне сохранения (увеличения) расходов на содержание многочисленного аппарата чиновников, как это происходит в современной России, а могут – активно использовать налоговую систему для смягчения социальной дифференциации, как это делается, скажем, в скандинавских странах. Что касается мезоуровня, то власти богатых и бедных регионов реализуют разную политику на рынке медицинских услуг, так что жители более бедных регионов относительно чаще и больше платят за медицинские услуги – причем как формально, так и неформально [Шишкин 2003а: 109], что, разумеется, со временем скажется на региональных различиях в уровне здоровья и иных особенностях социального воспроизводства. Эффективная с экономической точки зрения практика (например, продажа наркотиков, свертывание государственной поддержки развития малых сел и др.) может вести к весьма неблагоприятным социальным последствиям. Наконец, микроакторы с разным экономическим статусом реализуют разные модели демографического, образовательного, потребительского, правового и протестного поведения. Так, у бедных, низкодоходных слоев относительно чаще нарушаются трудовые права, они менее активно их защищают и существенно уступают другим слоям по успешности правозащитного поведения [Заславская, Шабанова 2002: 11–12].

Словом, говоря о важности изучения экономических аспектов социального воспроизводства, будем исходить из того, что:

- а) экономические факторы и ограничения играют важнейшую роль в функционировании, развитии и деградации обществ, отдельных социальных общностей и групп (в частности, в современной России богатство, наряду с властью, в решающей степени определяет успешность продвижения индивидов на всех остальных осях социальной стратификации);
- б) при данном уровне национального богатства экономические ограничения социального воспроизводства могут быть разными (сказывается структура бюджетных расходов, соблюдение «социальной меры» в линии на «минимизацию государства», уровень социальной ответственности бизнеса и др.).

2. *Социальные аспекты воспроизводства экономики.* Имеющийся в обществе человеческий потенциал (включая уровень образования, квалификации, здоровья, особенности деловой культуры и правосознания, деловую активность и пр.), в свою очередь, в значительной степени задает характер и пределы экономического воспроизводства в следующий момент времени. Каждый экономический актор (макро-, мезо- и микроуровня) имеет определенные интересы и ресурсы, а также обладает определенной *свободой выбора* экономического поведения. Функционирование и развитие экономики как результат устойчивого взаимодействия акторов самых разных уровней активно изучает экономическая социология [Заславская, Рывкина 1984, 1991; Радаев 1997]. Отличие социэкономии в данном случае видится в том, что она стремится дать *экономическую* оценку последствий такого рода поведения и взаимодействий. Каковы экономические потери, скажем, из-за роста алкогольной зависимости и наркотизации молодежи, широкого распространения пьянства в заброшенных селах и городах-«ловушках»? Каковы потери в экономике из-за разрушения сети среднего профессионального образования и нежелания молодежи учиться традиционным рабочим профессиям (токаря, слесаря и др.)? Если экономическая социология «заканчивается», к примеру, на выявлении доминирующих стратегий сберегательного поведения, объяснении их факторов, ограничений, последствий распространения, то социэкономика, основываясь на этом, должна идти дальше, пытаясь оценить экономические потери (банков, индивидов, хозяйственной системы в целом) от распространения тех или иных сберегательных стратегий.

3. В центре социэкономии – *двусторонние связи* между экономикой и социумом. Экономика «поставляет» ресурсы для социального воспроизводства, а «воспроизведенные» с теми или иными параметрами индивиды, функционируя в этой экономике в следующий момент времени, приумножают национальное богатство, меняют (сохраняют) правила игры, меняются сами, а также создают (обретают) экономические ресурсы для своего последующего воспроизводства. И так далее. При этом под экономикой здесь имеются в виду хозяйственные единицы самых разных уровней – это может быть хозяйственная система общества, региона, города, села, определенной сферы (например, экономика здравоохранения), вплоть до отдельного домохозяйства. Не совсем точное название «социум» характеризует имеющиеся человеческие ресурсы: применительно к обществу в целом точнее было бы говорить о состоянии человеческого потенциала, особенностях воспроизводства разных социальных групп и социальных качеств населения и работников. Важное значение имеет и специфика воспроизводства определенных социальных общностей, например, территориальных, семейных и др., а также особенности индивидуальных социальных акторов. Иными словами, в социэкономическом предметном поле за термином «социум» скрываются особенности качественного состава и поведения социальных групп (общностей) и акторов разных уровней (образование, квалификация, здоровье, размер и тип семьи, возраст, экономический, территориальный, должностной и прочие статусы (ресурсы), уровень правосознания, деловые качества, ценностные особенности и пр.).

4. Социэкономика, будучи наукой экономической, важное место отводит *измерению взаимосвязей* между экономическими и неэкономическими переменными на основе оценок соотношения затрат и результатов тех или иных действий. В такой постановке одним из центральных элементов социэкономии выступает построение разного рода индикаторов (экономических и социальных), без которых измерение взаимосвязей между экономическими и неэкономическими переменными было бы затруднено. Исходя из состояния современного научного знания узкое место в проблемном поле данной науки видится в трудностях сопоставления затрат и результатов, в сложности измерения *экономических* последствий *социального* поведения и *социальных* последствий *экономических* решений. Поэтому в настоящее время решающий вклад в становление этой науки, на мой взгляд, могли бы внести прежде всего экономисты и экономисты-математики.

* * *

Итак, констатируем. Социоэкономика и экономическая социология имеют общий объект исследования – закономерности экономической жизни, экономические отношения и экономическое поведение акторов разных уровней, рассматриваемых в качестве целостных социальных субъектов, функционирование хозяйственной системы как подсистемы более широкой социальной системы. Однако подходы к познанию этого объекта у двух наук разные. В первом приближении можно сказать, что социоэкономика (в том смысле, каким мы наделили эту науку) отличается от экономической социологии как наука экономическая от науки социологической.

В самом деле, *экономическая социология* исследует закономерности экономической жизни с помощью аппарата и методов социологии. Функционирование и развитие экономики она представляет как социальный процесс, движимый активностью, интересами и ресурсами акторов разных уровней, вступающих в устойчивые взаимодействия друг с другом (т.е. определенным социальным механизмом). Специфика же *экономической точки зрения*, как известно, определяется стремлением соизмерять затраты с результатами (в том числе и в более или менее отдаленной перспективе), сравнивать альтернативные способы использования ограниченных ресурсов, оптимизировать соотношение выгод и издержек. Й.А. Шумпетер приводит удачное сравнение двух подходов: «Экономический анализ исследует устойчивое поведение людей и его экономические последствия; экономическая социология изучает вопрос, как они пришли именно к такому способу поведения» [Шумпетер 2001: 24–25].

В этом смысле социоэкономику отличает от экономической социологии *экономический* подход к познанию сходных взаимосвязей и закономерностей, а от других экономических наук – более широкий предмет исследования за счет более широкого спектра учитываемых переменных и взаимосвязей.

IV. Зачем нужна наука социоэкономика в современной России?

Развитие социоэкономики как самостоятельной науки актуально не только в научном отношении (получение нового знания о состоянии, взаимосвязях, механизмах функционирования и закономерностях трансформации экономики и общества на разных уровнях социальной реальности). Уже по отдельным иллюстрациям, к которым мы обращались, обосновывая отличие социоэкономики как от других экономических наук, так и от экономической социологии, очевидна острая *практическая* потребность в ее становлении в современной России. Представляется, что предлагаемая версия социоэкономики как самостоятельной науки способствовала бы поиску более эффективных способов решения широкого класса практических задач, с которыми сталкиваются акторы самых разных уровней: макро-, мезо-, микро-.

Так, на *макроуровне* весьма актуален поиск наиболее эффективных (с точки зрения соотношения затрат и результатов) стратегий государственной политики (как экономической, так и социальной) за счет учета характера и силы двусторонней связи между экономическими и социальными переменными в пространстве и во времени. При этом социология вообще и экономическая социология в частности могут дать ответы на множество «почему», важных для понимания типа формирующегося рынка и выбора стратегии осуществления рыночных реформ. Скажем, почему в России за новыми экономическими правами сегодня очень часто скрываются прежние отношения господства – подчинения, которые были базовыми в дореформенный период? Почему как среди властей разных уровней, так и среди рядовых граждан столь живуча покорность более сильному? Почему западный бизнесмен дает взятки чиновникам, как правило, за *обход закона*, а наши предприниматели – еще и за возможность реализовать свои *законные* права? Почему наша мафия, которая, по оценкам зарубежных экспертов, пока еще серьезно отстает по уровню

организованности от американской, существенно превзошла ее по широте сфер влияния, контролируя торговлю не только наркотиками, оружием, людьми, но и фруктами, овощами и др.? Почему у нас приватизация обрела олигархический характер и не привела к созданию конкурентной среды? Почему по уровню развития малого предпринимательства мы так сильно отстаем от других стран – и не только с развитым рынком и демократией, но и от ряда посткоммунистических стран?

Задача же социэкономике с помощью прямых и косвенных показателей оценить весь спектр потерь и обретений хозяйственных единиц и субъектов разных уровней от реализации той или иной стратегии рыночных реформ, дать научное обоснование наиболее эффективной из возможных в сложившихся условиях стратегий. Ведь мировой опыт свидетельствует о том, что к экономическому успеху ведет не одна (как может показаться, если прислушаться к рекомендациям Всемирного банка и МВФ), а множество моделей рынка. Причем многим странам (Японии, Франции, США, Южной Корее, Тайваню и др.) удалось превратить порой прямо противоположные особенности своей социальной организации и культуры в важные преимущества своих экономик [Биггарт 2001; Fukuyama 1996]. Содействие выработке адекватной и наиболее эффективной стратегии осуществления рыночных реформ, мобилизации ресурсов экономического роста на основе учета особенностей социальной организации и культуры данного общества – важная макрозадача социэкономике.

Важная экспертно-аналитическая область социэкономике в современной России – комплексная оценка последствий введения платных услуг в ряде отраслей социальной сферы. Спору нет, значимость качественного образования не ограничивается его вкладом в формирование высококвалифицированных и инициативных работников, как и значимость высокоразвитой системы здравоохранения не исчерпывается обеспечением хозяйственной системы здоровыми работниками. Это – ресурсы особого рода, определяющие параметры не только экономического, но и социального воспроизводства на долгие годы. Но социальные функции образования или здравоохранения не умаляют их экономических функций. В частности, при выборе стратегии реформирования отраслей социальной сферы, расширении спектра платных услуг важно учитывать те потери, с которыми через какое-то время столкнется экономика из-за снижения состояния здоровья ряда групп занятого населения, снижения доступности качественного образования, разрушения сети профессионально-технических училищ, науки и др. И этим потерям необходимо дать количественную оценку уже сегодня. Разумеется, не все поддается денежной оценке; более того, не везде такая оценка выглядит уместной по гуманным соображениям (например, денежная оценка человеческих жизней при исчислении экономических потерь в чеченской войне или обретений от ее прекращения). Построение адекватных экономических и социальных индикаторов, поиск адекватных приемов измерения взаимосвязи экономических и социальных переменных – важная проблема социэкономике, в значительной степени определяющая ее возможности и ограничения. Однако есть основания полагать, что даже первые шаги в этом направлении дадут такие результаты, которые не только позволят сделать более обоснованным выбор тех или иных экономических стратегий, но и придадут социальной политике совершенно иной статус.

На макроуровне практическим приложением социэкономике являются вопросы не только государственной политики, но и *текущего* управления хозяйственной и общественной жизнью. Возьмем, к примеру, банальные транспортные пробки в связи с перемещением (долгим ожиданием перемещения) высших государственных лиц. Такие пробки – сугубо социальный феномен, но он имеет и многообразные экономические проявления, внимание на которых и акцентирует социэкономика. Каковы потери (издержки) у лиц, попавших в подобные пробки: потери рабочего времени, потери из-за опозданий на самолет или на деловую встречу, несвоевременного получения медицинской помощи и др.? Как соотносятся эти потери (и снижение безопасности) рядовых членов общества с достигаемой за их счет экономией времени и уровнем безопасности политической элиты?

Что касается *мезоуровня*, то менеджмент современных организаций все в большей степени становится социэкономическим, ибо предполагает учет и оценку с точки зрения соотношения затрат и результатов самых разных сторон функционирования фирм, включая (наряду с экономическим) политический, культурный, социальный и другие контексты. Так, успешность функционирования фирм в современных условиях в значительной степени определяется постоянными инвестициями в совершенствование знаний и умений своих работников. Так что любая фирма заинтересована в том, чтобы использовать трудовой потенциал работников с наибольшей экономической эффективностью. В какой мере и за какой срок окупаются инвестиции в рост трудового потенциала, в частности, в повышение квалификации работников? Как измерить отдачу от этих инвестиций в тех случаях, когда выработка работника не поддается очевидному измерению?

Важная сфера приложения социэкономики на мезоуровне – поиск подходов к определению истинной стоимости компаний с учетом влияния невидимых активов (тесноты и длительности деловых связей, включенности в сети, постоянства клиентуры, деловой репутации, корпоративной культуры, знаний и компетенции работников и др.). Говоря об ограниченности традиционных методов бухучета, Лейф Эдвинссон и Майкл Мзлоун обосновывают важность учета роли интеллектуального капитала в оценке стоимости активов компании, необходимость разработки динамических показателей, отражающих укрепление позиций компании на рынке, привлечение постоянной клиентуры, усовершенствование качества продукции и т.д. [Эдвинссон, Мзлоун 1999: 432–433, 436].

На *микроуровне* индивиды и домохозяйства, в ходе адаптации к новым условиям, желая сохранить или повысить прежний уровень жизни, осваивают новые или активнее используют традиционные модели поведения: обучаются новым профессиям и специальностям (расходуя на это свое время и деньги), больше работают на садово-огородных участках или в ЛПХ, собственным трудом восполняют отказ от ряда платных услуг (парикмахерская, ремонт квартиры, пошив одежды и др.), меньше рожают и занимаются воспитанием детей, реже берут больничные и пр. Все это, разумеется, сказывается на уровне человеческого потенциала, включая профессиональные качества, состояние здоровья, и в следующий момент времени – через механизм обратной связи – и на параметрах воспроизводства хозяйственной системы. Оценка экономических обретений и потерь от реализации тех или иных адаптационных стратегий, доступных разным группам работников, поиск путей более эффективного использования наличных экономических ресурсов для улучшения параметров социального воспроизводства – важная задача социэкономии.

В принципе, российская наука давно уже сделала первые шаги в продвижении к социэкономике в том смысле, как мы определили эту науку. И поскольку она предполагает интеграцию усилий прежде всего экономистов, социологов и математиков, то неслучайно первые кирпичики в построение социэкономического здания заложили представители Новосибирской экономико-социологической школы. Я имею в виду проводившиеся еще в 1960-х гг. исследования текучести рабочей силы с оценками потерь, которые несут от увольнений работников по собственному желанию отдельные предприятия и хозяйственная система в целом, моделирование перспектив развития российского села с учетом той свободы выбора способов социально-экономического поведения, которую имеют акторы разных уровней; и др. [Заславская 1999]. Совсем недавно интересные для продвижения социэкономии результаты получил С.А. Айвазян, проведший статистическое исследование зависимостей между основными результирующими показателями качества и образа жизни населения, с одной стороны, и характеристиками качества институтов и проводимой в России социально-экономической политики – с другой [Айвазян 2005]. Благоприятную почву для социэкономического анализа дают и многочисленные зарубежные исследования человеческого капитала как ресурса экономического роста. Ресурс социэкономии в данном случае видится, в частности, в том, чтобы учесть особенности социальной организации общества и его хозяйственной системы, в силу которых разные группы занятого населения

(образовательные, профессионально-должностные, отраслевые, территориальные, доходные, половозрастные и пр.) имеют неодинаковые возможности для раскрытия своего трудового потенциала и его превращения в капитал. При данных экономических ресурсах реализация тех или иных стратегий социальной политики в перспективе может привести к разным темпам и качеству экономического развития.

* * *

Подведем итоги. На сегодняшний день социэкономика в версии SASE представляет собой весьма продуктивную и востребованную *парадигму* анализа экономических явлений и процессов в общественных системах с самым разным уровнем развития. Однако при таком наполнении социэкономика как *парадигма* не исчерпывает своего потенциала. Ее объяснительные и предсказательные возможности могут быть серьезно увеличены за счет перехода к изучению двусторонних связей между экономическими и неэкономическими переменными, учета более широкого спектра социоструктурных факторов и качеств человеческого потенциала, а также формализации изучаемых взаимосвязей. Все это могло бы дать импульс для развития социэкономике как *самостоятельной* науки.

Ее размежевание с экономической социологией принципиально: это иной угол зрения на аналогичные аспекты социально-экономической жизни. Однако и точек интеграции у двух наук также немало. На практике социэкономика нередко опирается на знание, добытое экономсоциологами, «стартует» от него. В частности, залогом более точных оценок и более высоких предсказательных возможностей реализуемого ею *экономического* подхода (соизмерения производимых затрат с достигаемыми результатами, оптимизации соотношения выгод и издержек на основе сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов) является накопленное *экономической социологией* знание *социальных механизмов* тех или иных экономических процессов. Кроме того, для того чтобы делать экономические оценки обретений и потерь от тех или иных процессов или практик, зачастую требуется их предварительный социологический анализ (какие группы и в какой степени в нее вовлечены, какие факторы и ограничения влияют на поведение этих групп). И если такое знание не получено в экономической социологии, то социэкономист должен уметь самостоятельно получить его. Если же такое знание уже имеется, то важна интеграция усилий социэкономистов и экономсоциологов.

Таким образом, на практике социэкономике приходится интегрировать широту и глубину *социологического* подхода к изучению взаимосвязи между экономикой и обществом на разных уровнях социальной реальности (вклад экономической социологии) и более точные оценки и более высокие предсказательные возможности *экономического* подхода (на основе соотношения и оптимизации затрат и результатов). В этом смысле социэкономистам нередко приходится предварять экономический подход к анализу закономерностей экономической жизни реализацией социологического подхода.

Социэкономика как самостоятельная наука имеет не только теоретическое, но и важное прикладное значение. В первую очередь это относится к выработке стратегий экономической политики, осмыслению ее взаимосвязи с политикой социальной. Развитие этой науки могло бы способствовать более глубокому осмыслению экономических и социальных процессов в их взаимосвязи и взаимообусловленности, мобилизации социальных ресурсов для ускорения темпов экономического роста, равно как и более эффективному использованию наличных экономических ресурсов для улучшения параметров социального воспроизводства. Практическая потребность в становлении социэкономике как самостоятельной науки велика и будет расти, а научные предпосылки уже сегодня весьма благоприятны.

Литература

- Айвазян С.А.* Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения: анализ российской траектории на стыке XX–XXI вв. (1995–2004) // Мир России. 2005. № 1. С. 62–88.
- Биггарт Н.* Социальная организация и экономическое развитие / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2001. № 5. С. 49–58.
- Де Джордж Р.Т.* Деловая этика / Пер. с англ. Р.И. Столпера. СПб.: Институт «Экономическая школа»; М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. Т.1.
- Вебер М.* Понятие социального действия. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 625–630.
- Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3–17. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Заславская Т.И.* Главы 1–5 из раздела «Развитие Новосибирской экономико-социологической школы: формирование новой методологии» // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 17–109.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1984. № 1.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991.
- Некипелов А.* Выбор экономической стратегии // Свободная мысль. 2003. № 9.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Смелсер Н., Сведберг Р.* Социологический подход к анализу хозяйства / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2003. № 4. С. 43–61.
- Чалдини Р.* Психология влияния: Пер. с англ. СПб.: Питер Ком, 1999.
- Шишкин С.В.* Экономика социальной сферы М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
- Шишкин С.В.* Формальные и неформальные правила оплаты медицинской помощи // Мир России. 2003а. № 3. С. 104–129.
- Шумпетер Й.А.* Интерлюдия II: Параллельное развитие других наук // Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3 т. / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Институт «Экономическая школа», 2001. Т. 1. Глава 3. С. 30–38.
- Эдвинссон Л., Мзлун М.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 432–447.
- Этциони А.* Социоэкономика: дальнейшие шаги / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 65–71.
- Эрхард Л.* Благополучие для всех: Репринт. Воспроизведение: Пер. с нем. М.: Начала-Пресс, 1991.
- Abell P.* On the Prospects for a Unified Social Science: Economics and Sociology // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 1–26.
- Etzioni A.* Toward a New Socio-Economic Paradigm // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 105–118.
- Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.

Hollingsworth J.R. Advancing the Socio-Economic Paradigm with Institutional Analysis // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 130–134.

Piore M. Society as a Precondition for Individuality: Critical Comments // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 119–122.

Satin M. (ed.) Gathering of Savvy «Socio-economists» Challenges Traditional Economics // Radical Middle Newsletter. 2000. March. http://www.radicalmiddle.com/x_socioecon.htm

Streeck W. Social Science and Moral Dialogue // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 126–129.

Swedberg R. New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What is Ahead? // Acta Sociologica. 1997. Vol. 40. P. 161–182. См. также перевод: *Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 37–55.

What is Socio-Economics? // <http://www.sase.org/aboutsase/aboutsase.html>

Wrong D.H. Socio-Economics and Human Nature // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 122–125.